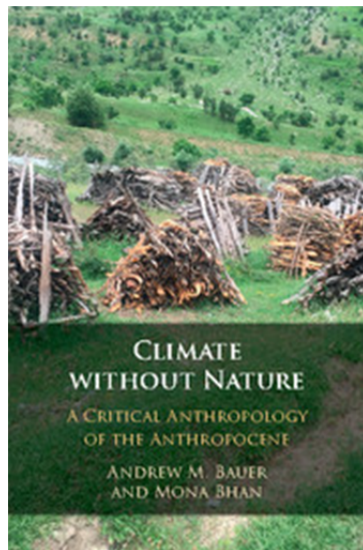

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/20

ДИНАМИЧЕСКИЕ АССАМБЛЯЖИ АНТРОПОЦЕНА: О МАТЕРИАЛЬНОСТИ КЛИМАТА, ПОСТ-ПРИРОДЕ И ПОНЯТИИ ААВОНАВА СРЕДИ СУННИТОВ-ДАРДОВ¹

Bauer Andrew M., Bhan Mona.
Climate without nature: a critical
anthropology of the Anthropocene.
New York, NY, USA: Cambridge
University Press, 2018. xvi, 167 p.
ISBN 9781108525633 (online),
9781108423243 (print)

Что происходит в наших отношениях с материальным миром, когда земля нагревается, погода меняется, ледники тают, засуха не прекращается, а уровень мирового океана продолжает расти? Ответ на этот вопрос дает недавно опубликованная издательством Кембриджского университета книга «Климат без природы: антропология антропоцена». Этот труд является совместной работой доцентов кафедр антропологии Стэнфордского университета Эндрю Бауэра и Университета ДеПау Моны Бхан.

За последнее десятилетие термин «антропоцен» стал поистине вирусным, потеснив многие ранее модные в социальных науках темы. Однако несмотря на растущее количество публикаций, это понятие остается одним из самых проблемных и неопределенных. Авторы ста-

---

¹ Работа написана в рамках проекта РНФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д. А. Функ).

вят своей задачей не только критически проанализировать идеи антропологии антропоцена, но и создать коммуникативный мост между исследованиями новой материальности и антропоцена (р. 6). Они утверждают, что антропологический анализ того, как люди дифференцированно взаимодействуют со множеством нечеловеческих субъектов окружающей среды (nonhuman environmental actors), позволит более комплексно изучить процессы ее трансформации. В частности, они призывают провести подобное исследование, используя понятие ассамбляжей (assemblages) или совокупностей, из которых состоят конфигурации этих сложносоставных взаимоотношений. Данные совокупности крайне изменчивы и ситуативны, поэтому предсказать их появление затруднительно. Авторы также стремятся критически переосмыслить саму концепцию антропоцена, показав, что «природа», «культура», «среда» и другие родственные понятия, используемые теоретиками антропоцена, не являются застывшими во времени, изначальными и само собой разумеющимися, но исторически и социально обусловлены.

В широком смысле понятие «антропоцен» определяет современный период развития геологической истории, характеризующийся беспрецедентным воздействием человека на экосистему. В рамках этого подхода человечество рассматривается не только как биологический вид и социальный организм, но и как геофизическая сила (Chakrabarty 2009). Антропология антропоцена включает в себя изучение проблем изменения климата, использования ресурсов, взаимодействия человека с экосистемами, наукой, техникой и технологиями, анализ антропогенных трансформаций среды и ландшафта и многое другое (см., например, Соколовский 2018). За последние пятнадцать лет антропоцен получил не только дисциплинарный статус в академии, но и обзавелся кафедрами, собственными журналами, сотнями публикаций и бесчисленными конференциями. Неудивительно, что у антропоцена появились не только поклонники, но и критики (Nagaway 2015). Основная критика исходит от антропологов, занимающихся постгуманитарной антропологией и мультивидовой этнографией, а также изучением гибридных форм коопераций между человеком, животными, машинами и предметами материального мира. В антропоцене они усматривают угрозу исследованиям неиерархических способов взаимодействия между нечеловеческими субъектами, а также возврат к антропоцентричности, от которой пытаются уйти ученые, работающие в русле онтологического поворота (см. дискуссию в Nagaway et al. 2015). Скептицизм вызывает и «библейский посыл» антропоцена как новой эпохи, которая приведет к гибели жизни на Земле, если человечество вовремя не одумается и не выработает альтернативные способы взаимодействия со средой (см. комментарии Скотта Ф. Гилберта в упомянутой дискуссии). Антропологи, изучающие сообщества коренных народов, справедливо указывают на то,

что в некоторых индигенных культурах само понятие «человек» (anthropos) является проблематичным, так как может включать в себя неорганические и альтернативные западным представлениям формы жизни (р. 12–13). Исследователи критической теории и капитализма дополняют: антропоцен игнорирует социальные, классовые и экономические различия между группами. Смещение фокуса исследования с роли глобальных корпораций в сторону общемировой ответственности перед природой деперсонализирует проблему изменения климата.

Авторы данной монографии пытаются примирить разные подходы современной социальной антропологии, включая упомянутые новую материальность, критическую теорию, АСТ и постгуманизм, с помощью «материализации» климата, рассматриваемого в качестве ключевого субъекта антропоцена. Они также стремятся исследовать климат как исторический продукт гетерогенных по своей природе ассамбляжей, состоящих из «тел, материалов и организмов», в которых люди являются лишь составной частью (р. 28). Они также отмечают уникальность феноменологии климата в разных сообществах. Иными словами, если климат как феномен глобален, то его переживание всегда ситуативно и локально. Будучи антропологами, авторы не ограничиваются лишь теоретизированием, но используют собственные полевые материалы, собранные в Юго-Восточной Азии.

Структурно книга состоит из шести глав, включая введение и заключение. В главе под названием «Создавая ассамбляж антропоцена» (Assembling Anthropocene) авторы обсуждают один из самых проблемных вопросов теории антропоцена: с какого исторического события можно говорить о возникновении эпохи Антропоцена? Они рассматривают таких претендентов, как изобретение атомной бомбы, парового двигателя, земледелие, животноводство, добыча огня и другие поворотные моменты в истории человечества. Однако в итоге приходят к выводу о том, что точка отчета и границы Антропоцена, когда человечество становится геофизической силой, никогда не будут установлены, так как люди всегда были включены в сеть взаимоотношений между организмами и материей. Авторы спрашивают: что если мы проанализируем влияние деревьев или бактерий на геофизические, химические, социальные и экологические процессы и мировые события? Не должны ли мы будем тогда признать поражение человечества как основной геофизической силы? Они заключают, что на протяжении всей истории взаимоотношения человека со средой эти отношения приводили к конкретным социальным, экологическим и геофизическим последствиям, которые и должны исследовать антропологи. Этот тезис и является темой данной монографии.

Третья глава под названием «О почвах, камнях и отношениях» (On Soils, Stones, and Social Relationships) представляет собой экскурс в

социоматериальную историю юга Индии. Авторы подчеркивают, что археология, являясь наукой о материальных артефактах, может помочь исследовать историографию *Природы*, которую принято противопоставлять *Культуре* (р. 50). Тезис о преодолении этого разграничения служит одним из способов выделения эпохи Антропоцена. Напротив, авторы ставят под сомнение само существование границы между *Природой* и *Культурой* (Latour 1993). На примерах мегалитических сооружений, ирригации, развития животноводства и культивации риса они показывают, что, начиная с каменного века, человечество через культурные практики и в тесном контакте с окружающей средой вносило существенные изменения в социоэкологические условия своего обитания. Эти изменения стали возможны с помощью комплексных взаимодействий с различными компонентами и ассамбляжами среды, включая ее нечеловеческих субъектов, а также затрагивали глобальные экологические процессы. Например, развитие животноводства способствовало увеличению метана в атмосфере – одна из современных причин глобального потепления. Более того, сам ландшафт создавался с помощью соединения (*assembling*) разнообразных материй и материалов в рамках определенных контекстов и таких местах, которые не только позволяли продуктивно использовать среду, например выращивать рис, но и одновременно ограничивали хозяйственную деятельность и доступ к ресурсам. Политически это способствовало укоренению социального неравенства.

Таким образом, авторы делают следующий вывод: уже в доиндустриальную эпоху взаимоотношения человека со средой были настолько многогранными, что их нельзя четко отнести в тот или иной «лагерь» в рамках бинарной пары *Природа / Культура*. Этот тезис раскрывается в следующей главе на примере этнографического материала.

В главе «О ледниках и траве, о погоде и благоденствии» (*On Glaciers and Grass and Weather and Welfare*) речь идет об известной этнологам триаде пища – одежда – жилища, которую авторы рассматривают в контексте экологических отношений между человеком и другими акторами окружающего мира (*aabohawa*). Эта глава написана на материалах, собранных в долине Гюрес в Гималаях – место жительства суннитов-дардов. Нечеловеческие субъекты в мире дардов являются составной частью социального порядка, в котором трава, деревья, лес, реки, снег, ледники и даже пыль выступают в качестве союзников, но в то же время могут неожиданно и по своему усмотрению вторгнуться и нарушить жизнь людей (р. 97). В этой главе помимо исследований новой материальности сказывается влияние экологической антропологии, постколониальной теории и онтологии нечеловеческих субъектов. Например, с тактильного, материального и даже чувственного описания деревянного жилища в культуре дардов авторы переходят к обсуждению роли леса в жизни местных жителей:

Лес был местом, куда жители Гюрез обращались в поисках еды, дров и источника физического и экономического существования. Пожилые гюрезцы вспоминали, что каждый год в мае, когда отступала зимняя хандра, они поднимались в лес, чтобы собрать ценные разновидности грибов, которые ежегодно приносили им существенный доход. Аналогично к началу июня и в июле они собирали несколько килограммов зеэга (тмина) для продажи на рынке. Летом женщины собирали траву, чтобы запастись ею на зиму, поскольку зимой рыночные цены на траву резко возрастали и это делало ее недоступной для большинства семей (р. 81) (перевод мой. – Н.М.).

Значительная часть этой главы посвящена ледникам, служащим еще одним источником получения дров из высокогорного леса, что облегчает труд местным женщинам и снимает с семей часть финансовой зависимости. Авторы утверждают, что ледники для дардов наделены моральными качествами, обладают сакральной силой и могут влиять на жизнь людей не только духовно, экономически, но и физически. Например, ледники могут перегородить дорогу или заблокировать реку. Авторы также показывают, как строительство дамбы в Гюрезе может нарушить эти сложившиеся связи и в то же время стимулировать появление новых нарративов об изменении климата, который гюрезцы понимают как комплексное явление, учитывающее их взаимоотношения с лесом, ледниками, животными, джинами и другими сущностями.

Наконец, в заключительной главе под названием «Социальное благоденствие без Природы Антропоцена» (Social Welfare without the Anthropocene's Nature) авторы возвращаются к обсуждению периодизации эпохи Антропоцена. В данной главе критически осмысливается дискурс *Природы* как онтологически другого, противопоставленного *Культуре* и человеческой деятельности по производству продуктов этой культуры. На протяжении всей книги авторы стремятся показать, что разделения между *Природой* и *Культурой* никогда не существовало. Соответственно, и точка отчета для наступления эпохи Антропоцена отсутствует. Более того, антропоцен предполагает недифференцированный взгляд на феномен влияния человека на окружающую среду, в то время как социоматериальная история демонстрирует, что это влияние всегда было дифференцируемым, политическим и основанным на различных формах неравенства. Авторы предлагают сместить фокус исследования с концепта *Природы* на изучение социоматериальных отношений и дискурсивных практик взаимодействия между человеком и другими акторами окружающего мира. Более того, они считают, что эти отношения должны быть рассмотрены на разных уровнях, включающих в себя экономику, политику, класс, гендер и многие другие социальные параметры. Это, в свою очередь, повлечет за собой изменения как языка описания взаимодействия человека со средой, так и саму

концептуализацию проблемы изменения климата и политики охраны окружающей среды. Авторы заключают, что без доминантной концепции пассивной *Природы* акторы окружающего мира, включая нечеловеческие сущности, получают *действие*, требующее отношения к ним как к полноценным участникам процесса трансформации среды.

Подводя итог, отмечу, что работа «Климат без природы: антропология антропоцена» является не только превосходным введением в современные дебаты об антропоцене, но и своеобразным ассамбляжем, о котором пишут авторы. Эту работу можно читать на нескольких уровнях: как собственно теорию антропоцена, которая вынесена в заглавие, как мультилокальное этнографическое исследование, написанное на материалах полевой работы в нескольких сообществах и регионах Индии, как экскурс в материальную историю юга Индии, наконец, как пример работы, написанной в стиле новой материальности и постгуманитарной антропологии. Авторы утверждают, что антропология со всеми ее многочисленными направлениями должна внести существенный вклад в теорию антропоцена и противостоять упрощенному взгляду на современность как на этап пост-*Природы*. В заключении они приходят к выводу о том, что если человечество и должно начать действовать, чтобы предотвратить глобальные катастрофы, то только как гетерогенный ассамбляж и через динамические отношения с нечеловеческими сущностями и материями (p. 139).

Литература

- Соколовский С.В. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–116.
- Chakrabarty D. The climate of history: Four theses // Critical Inquiry. 2009. № 35. С. 197–222.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene. Chthulucene: Making kin // Environmental Humanities. 2015. № 6. P. 159–165.
- Haraway D., Ishikawa N., Gilbert, S., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists are talking – about the Anthropocene // Ethnos. 2015. № 81 (3). P. 535–564.
- Latour B. We have never been modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Мамонтова Надежда Александровна
географический факультет
Университета Северной Британской Колумбии /
Институт этнологии и антропологи РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Mamontova Nadezhda A.

Department of Geography at the University of Northern British Columbia, Prince George, Canada

DYNAMIC ASSEMBLAGES OF THE ANTHROPOCENE: ON THE MATERIALITY OF CLIMATE, POST-NATURE, AND THE NOTION OF AABOHAWA AMONG THE SUNNI DARDS*

Review of Bauer Andrew M., Bhan Mona. *Climate without nature: a critical anthropology of the anthropocene*. New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2018. xvi, 167 p. ISBN 9781108525633 (online), 9781108423243 (print)

DOI: 10.17223/2312461X/29/20

*The review is written as part of the project supported by the Russian Science Foundation (RNF), titled 'The anthropology of extractivism: Research and design of social changes in resource-type regions' (project No. 20-68-46043, Principal Investigator Dmitriy A. Funk).

References

- Sokolovskiy S.V. Tela i tekhnologii skvoz' prizmu tekhnootropologii [Bodies and technologies through the prism of techno-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 38, pp. 99–116.
- Chakrabarty D. The climate of history: Four theses, *Critical Inquiry*, 2009, no. 35, pp. 197–222.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene. Chthulucene: Making kin, *Environmental Humanities*, 2015, no. 6, pp. 159–165.
- Haraway D., Ishikawa N., Gilbert, S., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists are talking – about the Anthropocene, *Ethnos*, 2015, no. 81(3), pp. 535–564.
- Latour B. *We have never been modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.